

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.040

ЩЕДРИНСКАЯ РЕМИНИСЦЕНЦИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ А.П.ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственной университет, г. Тверь

Повесть А. П. Чехова «Три года» (1895) рассматривается в аспекте русской сатирической традиции, которая является средством выражения точки зрения писателя на крупнейшие идеологические явления его эпохи. Комплекс почвеннических и славянофильских идей представлен в повести через призму восприятия различных героев, в различном преломлении, в разных трактовках – как в ироническом, так и в позитивном ключе. Основное внимание уделяется образу «щедринского Иудушки», с которым Чехов соотносит ложные интерпретации теорий Достоевского, Данилевского, почвенников и славянофилов. Сатирический щедринский интертекст в повести становится формой чеховской иронии по отношению к искажениям этих теорий. Славянофильство и почвенничество, понятие «русская душа» остались в глубине чеховского мировоззрения и чеховской художественной системы, не подверженные интерпретациям лицемерных «иудушек».

Ключевые слова: А. П. Чехов, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, славянофильство, почвенничество, мировоззрение, сатира, интертекстуальность, реминисценция.

Многие современные исследователи, например В. Б. Катаев, говоря о концепции сатиры в русской литературе XIX века, об эволюции, о ее судьбах после М. Е. Салтыкова-Щедрина, справедливо указывают на творчество А. П. Чехова. И действительно, в чеховских произведениях, особенно «осколочного» периода, довольно много – и это общеизвестно – языковых, образных, сюжетных «щедринизмов», то есть параллелей, позволяющих говорить о литературном ученичестве, о художественной преемственности и т. д. «Торжествующая свинья», «помпадуры», Дыба и Удав, рассказы-мелочишки «Рыбье дело», «Наивный леший», «Говорить или молчать», «Унтер Пришибеев» («Сверхштатный блюститель»), «Обер-верхи» и многое другое – все это, конечно, «пахнет Салтыковым».

Вместе с тем известные отзывы Чехова о Салтыкове достаточно сдержанны. В «Литературной табели о рангах» (1886) Щедрина отведено лишь третье место – вместе с Д. В. Григоровичем, после Гончарова и Л. Толстого. В более зрелые годы чтение щедринских произведений также не вызывает у Чехова восторга: «Читаю “Дневник провинциала” Щедрина. Как длинно и скучно! И в то же время как похоже на настоя-

---

© Николаева С. Ю., Редькин В. А., 2023

щее»(1891) [4, т. 4, с. 308].; «И Салтыков интересен, но немного утомляет своей однообразной манерой»(1897) [Там же, т. 6, с. 327].

Казалось бы, здесь есть повод задуматься не просто о несходстве или несовпадении, но и о глубоком внутреннем неприятии манеры, поэтики, метода Щедрина Чеховым. Однако обратимся к ключевому суждению Чехова о великом сатирике – наиболее развернутому и концептуальному. В письме к А. Н. Плещееву (1889) сказано: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» [Там же, т. 3, с. 212–213].

Думается, что здесь в традиционно-чеховской лапидарной манере выражено понимание сути щедринской сатиры и предвосхищены собственно чеховские пути продолжения ее традиций. Чехов ценил в Щедрина не прямое обличение и сарказм, отдающие пошлым балагурством, а искреннее и открытое презрение к лжи и фальши. Акцентируя внимание на слове «презрение», все литературоведы, обращающиеся к данной теме, отмечают, что речь идет не столько о писателе, художнике слова, сколько о человеке и гражданине. В целом приведенное высказывание рассматривается как свидетельство того, что Чехов воспринимал Щедрина достаточно остраненно. По-видимому, это не так. В своей характеристике Чехов прямо указывает на то связующее звено – связующее, а не разъединяющее – что существовало между ним и Щедриным. «Мелкий интеллигент среднего пошиба» – вот общая тема, общий объект исследования для обоих писателей. Это исследование привело их не к обличению, а именно к презрению – то есть к откровенно оценочному и вместе с тем объективному изображению российской интеллигенции. Не «улюлюканье», а вдумчивый анализ мелочей жизни, поиски настоящей правды – все это, конечно, «область серьеза» и для позднего Щедрина, и для Чехова начиная со второй половины 1880-х гг. Именно в этот период происходит знаменитый поворот в эволюции русской сатиры, взаимопроникновение сатирического и трагического начал в литературе.

В литературоведении отмечалось, что Чехов обратился к щедринской теме «мелкого интеллигента», стремясь изучить «природу идей, взглядов и мнений», выработать критерии их истинности [2, с. 51]. Сосредоточившись на сфере сознания своего героя – «обыкновеннейшего человека» – Чехов давал оценку духовному потенциалу своих современников, тем идеям и теориям, которые претендовали на доминирующее положение в обществе. Этот подход, конечно, диктовался духом самой эпохи – эпохи «мысли и разума», а реализовывался он разными способами, в том числе путем обращений к слову и образам М. Е. Салтыкова-Щедрина. В частно-

сти, мотивы и образы очерковой книги «За рубежом» нашли свое отражение в повести А. П. Чехова «Степь». Наиболее актуальными оказались для Чехова щедринские размышления на тему «Россия и Европа» [3]. Эта тема нашла свое продолжение и в более поздних чеховских произведениях.

В повести «Три года» (1895) имеется следующий весьма любопытный пассаж. Главный герой Алексей Лаптев, купеческий сын, филолог по образованию, вынужден вернуться в отцовский дом, чтобы продолжить отцовское торговое дело, и находит своего брата резко изменившимся. «И почему это он все жметя как-то застенчиво, будто кажется ему, что он голый? – думал Лаптев, идя по Никольской и стараясь понять перемену, какая произошла в Федоре. – И язык какой-то новый у него: брат, милый брат, Бог милости прислал, Богу помолимся, – точно щедринский Иудушка» [5, т. 9, с. 36].

Казалось бы, подсказка налицо: язык, точно как у Порфирия Головлева, – сплошное медоточивое пустословие и многословие. Чехов создает психологически достоверный образ, опираясь на щедринские принципы речевого портрета персонажа. И действительно, все реплики Федора выдержаны в одном стилевом ключе: «Кланяйся сестреночке и поцелуй ручку»; «Очень рад познакомиться, сестреночка»; «В поте лица будешь есть свой хлеб»; «Бог труды любит»; и наконец: «Знаешь что, брат? Не мудрствуя лукаво, баллотироваться-ка ты в гласные, а мы помаленьку да полегоньку проведем тебя в члены управы, а потом в товарищи головы. Дальше – больше, человек ты умный, образованный, тебя заметят и пригласят в Петербург – земские и городские деятели теперь там в моде, брат, и, гляди, пятидесяти лет тебе еще не будет, а ты уж тайный советник и лента через плечо.

Лаптев не ответил; он понял, что всего этого – и тайного советника, и ленты – хочется самому Федору, и он не знал, что ответить» [Там же, с. 56].

И уменьшительно-ласкательные суффиксы, и суетливо-многословная скороговорка, и синтаксические конструкции, помогающие создать интонации интимно-доверительные («лезет в душу»), – все это находит соответствие в речевом облике хозяина головлевской усадьбы. Каково же художественное предназначение этого образа – «щедринского Иудушки» – в чеховском тексте? Выясняется, что это средство характеристики богатого мира идей, обрисованного в повести. Несколько типичных чеховских интеллигентов – «мелких интеллигентов среднего пошиба» – отнюдь не погружены здесь в быт, они погружены в мир идей, пытаются осознать свое бытие. Филологи-купцы Алексей и Федор Лаптевы, филолог-естественник Ярцев, вечный студент-демократ Киш, нигилистка Рассудина – таков богатейший, колоритнейший срез духовной жизни среднего сословия.

Однако «щедринский Иудушка» – слишком сильное выражение, если речь идет только о манере поведения героя. Поэтому неудивительно,

что Федор Лаптев еще и мыслитель, писатель-публицист. Реминисценция из романа «Господа Головлевы» служит своеобразным маркером, средством выражения авторской позиции Чехова. Перед нами редкий случай чеховского литературного отклика на неутраченную полемику славянофилов и западников.

«Статья называлась так: “Русская душа”; написана она была скучно, бесцветным слогом, каким пишут обыкновенно неталантливые, втайне самолюбивые люди, и главная мысль ее была такая: интеллигентный человек имеет право не верить в сверхъестественное, но он обязан скрывать это свое неверие, чтобы не производить соблазна и не колебать в людях веры; без веры нет идеализма, а идеализму предопределено спасти Европу и указать человечеству настоящий путь.

– Но тут ты не пишешь, от чего надо спасать Европу, – сказал Лаптев.

– Это понятно само собой» [Там же, с. 80].

Бесспорно, здесь звучат отголоски идей славянофильства и почвенничества. Вспоминается хрестоматийно-известный социологический труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [1], вышедший пятым изданием в 1895 г., то есть одновременно с чеховской повестью «Три года», а также работы К. Леонтьева и В. Соловьева. Совершенно очевидно и обращение на уровне интертекста к произведениям Достоевского («Дневнику писателя», «Преступлению и наказанию», «Бесам», «Подростку», «Братьям Карамазовым» и др.) – особенно если учесть следующую реплику Федора Лаптева: «Глубоко, бесконечно жаль, что мы с тобой разномыслим. Ах, Алеша, Алеша, брат мой милый! Мы с тобою люди русские, православные, широкие люди...» [Там же]. «Широта» русского человека, сочетание в нем «идеала содомского» с «идеалом Мадонны», «инфернальность» поставлены в сознании Федора Лаптева в один ряд с «православием» и «русскостью». Герой явно не разбирается в сложных нравственно-философских концепциях Достоевского и Данилевского.

Отсюда следует вывод, что Федор Лаптев назван «щедринским Иудушкой» вовсе не потому, что является апологетом Данилевского и Достоевского. Чехов полемизирует отнюдь не с поздним славянофильством, почвенничеством и проч., а с их позднейшими лукавыми истолкователями.

По нашему мнению, Чехов ведет речь о типичном для России явлении «идеи, попавшей на улицу». «Мошенничество» состоит в подмене понятий, в упрощенной и искаженной трактовке первоисточников, в лениности мысли, в склонности черпать идеи «на улице», а не создавать их путем самостоятельного поиска. Не случайно Чехов неоднократно подчеркивает, что его герой Федор Лаптев – человек нездоровый, болезненный, то есть снижает авторитетность его суждений. Федор Лаптев слишком поверхностно, схематично воспринял мысли Данилевского. Самого Лаптева можно скорее воспринимать как слабое подражание Версилову с его высокопарными речами о России и Европе.

Интересно, что комплекс почвеннических и славянофильских идей представлен в повести через призму восприятия различных героев, в разном преломлении, в разных трактовках – как в ироническом, так и в сочувственном ключе. Позитивный отпечаток идей Данилевского лежит на рассуждениях Ярцева и Алексея Лаптева, размышляющих об особом и трудном историческом пути России и русской нации. Эти герои явно опозитивированы Чеховым, а их рассуждения отчетливо соотносятся с теорией культурно-исторических типов Данилевского, что составляет ядро и истинно научную ценность знаменитой книги «Россия и Европа». Именно историософский, а не политический смысл труда Данилевского был близок Чехову. Известно, что Данилевский был социологом, историком, биологом, пересмотревшим дарвиновскую методологию, то есть сочетал в себе и гуманитария, и естествоведов. Но тем же отличался и А. П. Чехов. Более того, его герой Ярцев – тоже филолог, и химик, и историк. Основные мысли Ярцева (о том, что мы, русские, живем накануне глобальных перемен и «величайшего торжества», о потенциальном богатстве русской жизни, о предстоящем большом пути и больших жертвах и страданиях, об особой исторической судьбе славянства, сумевшего сохранить свою национально-культурную идентичность и государственность вопреки историческим катаклизмам наподобие татарского нашествия, Смутного времени и т. д.) очень близки к взглядам Данилевского и, более того, к появившейся несколько позднее теории пассионарности Л. Н. Гумилева.

Чехов как мыслитель, сочетавший научное и образное мышление, серьезно и глубоко оценил труд Данилевского, оказавший огромное влияние на духовную жизнь эпохи, и отказался, как всегда, от политических аспектов проблемы как слишком субъективных и спекулятивных. Более того, он выступил со своеобразной художественной защитой Данилевского от его политиканствующих критиков, вложив их упрощенные толкования в речи Федора Лаптева и дискредитировав с помощью образа «щедринского Иудушки». Славянофильство и почвенничество, понятие «русская душа» остались в глубине чеховского мировоззрения и чеховской художественной системы, не подверженные интерпретациям лицемерных «иудушек».

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
2. Катаев В. Б. Литературные связи А. П. Чехова. Москва: Наука, 1989. 246 с.
3. Николаева С. Ю. Повесть А. П. Чехова «Степь» и книга М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом»: спор о России и «русском мальчике» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 81–87.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Москва: Наука, 1974–1983.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Москва: Наука, 1974–1983.

SHCHEDRIN'S REMINISCENCE IN AN IDEOLOGICAL CONTEXT THE STORY OF A.P.CHEKHOV "THREE YEARS"

S. Y. Nikolaeva, V.A. Redkin

Tver State University, Tver

Chekhov's novella "Three Years" (1895) is considered in the aspect of the Russian satirical tradition, which is a means of expressing the writer's point of view on the major ideological phenomena of his era. The complex of pochvennic and Slavophile ideas is presented in the story through the prism of perception of various characters, in different refraction, in different interpretations – both in an ironic and in a positive way. The main attention is paid to the image of the "Shchedrin Judushka", with which Chekhov correlates false interpretations of the theories of Dostoevsky, Danilevsky, soil scientists and Slavophiles. The satirical Shchedrin intertext in the story becomes a form of Chekhov's irony in relation to the distortions of these theories. Slavophilism and pochvennichestvo, the concept of "Russian soul" remained in the depths of Chekhov's worldview and the Chekhov's artistic system, not subject to the interpretations of hypocritical "Judas".

Keywords: *A. P. Chekhov, N. Y. Danilevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, Slavophilism, pochvennichestvo, worldview, satire, intertextuality, reminiscence.*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

About the authors:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.